

Глава 261. Сгибающая кости и рассеивающая прах. Неужели ее может спасти двойная культивация?

Цин Шуй был бледен, как мел, казалось, в его лице не осталось ни капли крови. Слезы текли из его глаз.

Цанхай Миньюэ, увидев реакцию Цин Шуя и бездыханное изуродованное тело Хоюнь Лю-Ли, выхватила меч и приставила к своей шее.

«Миньюэ!» Хриплый голос раздался, пронзив Цанхай Миньюэ, словно разряд тока.

«Я, я во всем виновата, я... Я бесполезное чудовище. Это все из-за меня, Цин Шуй...» И тут слезы хлынули из ее глаз нескончаемым потоком.

«Если ты это сделаешь, тебе не кажется, что получится, что она впустую рисковала своей жизнью?» твердо сказал Цин Шуй, ни на секунду не переставая втыкать божественные иглы в тело Хоюнь Лю-Ли. Семь серебряных игл образовали Астральный Ковш на ее теле, а дополнительная пара игл увеличивала интенсивность лечения. С девятой иглой Цин Шуй обессилел. Рухнув на землю, он выплюнул сгусток крови изо рта.

«Цин Шуй.....»

«Погоди чуток, мы сейчас уйдем отсюда», неожиданно сказал Цин Шуй, поднялся на ноги и, покачиваясь, направился к бойцам Секты Бессмертного Меча, которые еще не успели убежать, но уже знатно намочили свои штаны. Один даже вскрикнул и рухнул без сознания на землю, как тряпка.

«Мы тут не причем, пожалуйста, не убивай нас..»

«Это не моя вина, не убивай меня».

Как тигр, спускающийся с горы в стадо овец, ведомый намерением убивать и жаждой крови, среди врагов, разбегающихся в панике, Цин Шуй настиг каждого. Ни одному из культиваторов не удалось пробежать больше трех шагов. Смерть шла за ними тяжелой поступью...

Плотный кровавый туман окутал воздух улицы. Смертельная тишина воцарилась вокруг. Цин Шуй стоял среди трупов, осматривая окрестности. Он весь был окрашен кровью. Не иначе сам Бог Смерти явился сегодня за Сектой Вечного Меча.

Вернувшись к Хоюнь Лю-Ли, он нанес на ее раны Золотую Мазь от Ран. Он извергал ругательства.

«Пять Гранул Дракона, Большая Восстанавливающая гранула, чтоб они провалились!» кричал он. Цанхай Миньюэ стояла в сторонке, не понимая, что он делает. Цин Шуй осторожно поднял Хоюнь Лю-Ли на руки и горько вздохнул. Все, что он мог сделать, это сшить золотыми иглами остатки жизненной силы ее меридиан. Выживет она или нет, оставалось под большим вопросом.

Взгромоздившись на израненную жар-птицу, он сказал: «Медлить нельзя, надо ехать».

Вернувшись в резиденцию Цанхай, они увидели встревоженных супругов Цанхай, не верившим своим глазам. Выражение лица Цанхая было угрюмым, агрессивная аура убийства исходила от него.

«Отец, Мама!» Цанхай Миньюэ вскрикнула, будто потерянное дитя, наконец вернувшееся домой.

.....

«Что с девочкой?» Жена Цанхая чувствовала глубокую боль в сердце. В ее глазах заблестели слезы.

«Посмотрим, если в следующие три дня не умрет, значит, выкарабкается. Вы с Миньюэ обмойте ее, потом позовите меня. Только иглы не трогайте, я там воткнул ей в грудную клетку акупунктуру», слабым хриплым голосом сказал Цин Шуй. Все видели ужасные раны на его теле. Никто не мог понять, что произошло. Цанхай Миньюэ была жутко подавлена. Даже жар-птица выглядела ужасно грустной.

«Хорошо, хорошо!» женщины торопливо согласились и аккуратно унесли Хоюнь Лю-Ли.

«Цин Шуй, как же твои раны...»

«Я в порядке, мне надо умыться», успокоил их Цин Шуй и ушел к себе в дом. Он выглядел таким одиноким и потерянным.

«Юэюэ, что же в итоге случилось?»

«Мы натолкнулись на пару старших из Секты Бессмертного меча. С ними были их ученики. Больше двадцати человек».

«И? Что в итоге?» Цанхай с тревогой смотрел на Цанхай Миньюэ.

«Все мертвы. Ни одного не осталось в живых».

«.....»

На этих словах в доме воцарилась тишина.

Цин Шуй обмылся. Он смазал большую рану на животе Золотой Мазью, забинтовался и переоделся в чистое. Его лицо было все еще бледнее бледного. Отправив жар-птицу в пространственную сферу, он вернулся в свой дом. Если бы не его техника первобытных игл и святых рук, Хоюнь Лю-Ли бы уже была мертва.

Внезапно в дверь постучали. Открыв дверь, он увидел бледную Цанхай Миньюэ:

«Иди в ее комнату, мы ее помыли и переодели».

Цин Шуй кивнул и попытался улыбнуться. Однако у него плохо получилось. Улыбка была неприятной, еще хуже, чем слезы в его глазах. Она не смогла спрятать ту ужасную боль, что поселилась в его сердце.

Цин Шуй поспешил на выход, ведь жизнь Хоюнь Лю-Ли была для него сейчас самым главным. Еще важно было подготовиться к ответному удару Секты Бессмертного Меча.

Молча дойдя до дома, где жили Цанхай Миньюэ и Хоюнь Лю-Ли, они вошли в большую комнату и сразу поднялись на второй этаж. В гостиной на втором этаже стоял стол, два кресла и диван.

Стены и пол были из дерева, украшенные фиолетовыми узорами в виде цветов. Рядом была кухня, а справа от нее две спальни, которые принадлежали девушкам. К северу и югу от кухни были еще две комнаты, которые, судя по ауре, исходящей от них, принадлежали паре Цанхай.

Войдя к Хоюнь Лю-Ли, они увидели ее, лежащую на кровати, умытую и совсем обескровленную, будто удар сабли унес с собой и ее небесную красоту.

«Цин Шуй, может, ты сначала отдохнешь?» обеспокоенно спросила мать Цанхай Миньюэ, глядя на бледного Цин Шуя.

«Все в порядке, не волнуйтесь за меня. Миньюэ, лучше ты иди и хорошенько выпишься. Хозяйка, вы не могли бы пойти с ней, она сегодня в плохом настроении». Цин Шуй все еще боялся, что Цанхай Миньюэ снова вздумается надеть глупостей из-за эмоций, переполнявших ее сердце.

Сжав зубы, Цанхай Миньюэ вышла из комнаты. Цин Шуй вздохнул и сел рядом со своей боевой подругой, которая уже сделала свой шаг навстречу смерти. Его сердцу стало так тепло, когда он стал вспоминать, как они проводили время в Городе Тысячи Миль. Он всегда испытывал благоговейное восхищение ее небесной красотой и характером. Взяв в руки ее ледяные ладони, он прошептал:

«Лю-Ли, просыпайся. Ты должна проснуться. Я обещаю, я сделаю все, что ты захочешь, только очнись».

Цин Шуй горько улыбнулся. Если она не проснется в течение следующих трех дней, вернуть ее в сознание будет уже невозможно. Да и сейчас она была жива только за счет поддержки золотых игл.

Вдруг Цин Шуй почувствовал энергию двойной культивации, которая начала медленно разогреваться и циркулировать в его тело, автоматически вливаясь в тело Хоюнь Лю-Ли помимо его воли. Миллиарды вещей в мире можно разделить на Инь и Ян. Ян сам по себе не дает жизнь. Инь сама по себе не растет. Цин Шуй направил свою энергию Ци Древней Техники Усиления в ее тело, а ее энергия, которую формировала двойная культивация, вливалась в него. Цин Шуй разволновался, он не знал, какими чудесными качествами обладает эта двойная культивация. Он никак не мог предположить, что это спасет ее, но попытаться можно! По крайней мере, навредить ей еще больше уже невозможно.

Постепенно он стал чувствовать слабые признаки реакции от ее тела. Цин Шуй аж подпрыгнул от радости. Цанхай Миньюэ, которая услышала его радостный крик, встала в дверях и стала молча наблюдать за происходящим.

Цин Шуй начал «гонять» свою Ци вперед и назад. Через четыре часа бледное лицо Хоюнь Лю-Ли стало возвращаться к жизни. Повернув голову, он увидел Цанхай Миньюэ, стоящую у входа. Он понимал, что если у него не получится вернуть к жизни Лю-Ли, Миньюэ никогда не простит себя за то, что случилось. Никогда в жизни.

Однако рана на лице Хоюнь была такой ужасной, что было понятно, что даже если она выздоровеет, этот шрам навсегда останется на ее лице. Рана шла от уголка левого века до самой нижней губы.

«Миньюэ, не волнуйся. Лю-Ли поправится, теперь я точно знаю. Тебе нужно отдохнуть. И прекрати чувствовать себя виноватой. Это то, что она сама хотела сделать для себя. Если ты продолжишь себя изводить, ей только станет еще хуже». Цин Шуй похлопал Цанхай Миньюэ по плечу, пытаясь успокоить ее.

Они вышли в гостиную, где их уже ждали родители. Цин Шуй снова поприветствовал их и вздохнул. Сев на диван, он почувствовал огромную слабость. Хоть основные раны его уже закрылись, благодаря высокой заживляемости его организма, он еще не совсем пришел в себя.

«Старейшие, Миньюэ, я немного посплю. А потом я снова займусь акупунктурой для Лю-Ли!» Цин Шуй вздрогнул, нехарактерная для него слабость охватила его, и он повалился на диван.

Никто больше ничего не сказал. Цин Шуй закрыл глаза, и его дыхание постепенно выровнялось. Цанхай Миньюэ отправила родителей в их комнаты, а сама вернулась с одеялом к Цин Шую.

Глядя на его демонические черты, она была вынуждена признать, что он был чертовски красив. Устыдившись своих мыслей, она накрыла его одеялом, наклонившись над ним. Видя, как он хмурится даже во сне, она вдруг поняла, что этот человек просверлил-таки дыру в ее сердце, как червь точит яблоко, в ее сердце поселились незнакомые доселе чувства. В этот момент она поняла, что бы ни случилось, она никогда его не сможет забыть. Ее сердце бешено билось, она склонилась над его лицом еще ниже. Вдруг она подпрыгнула от испуга - Цин Шуй схватил ее за руку. Всмотревшись в его лицо, она увидела, что его брови по-прежнему нахмурены, а глаза крепко закрыты.

<http://tl.rulate.ru/book/51/23711>